

Стесняться своих отцов

Захар Прилепин. По поводу всего

[Захар Прилепин](#)

[Комментировать / 5](#)

5830

Реакция на [моё письмо](#) многословная, обиженная, часто вздорная.

Дмитрий Быков любопытно и во многом точно пишет о мотивациях написания моего письма, но по существу письма — совсем не точно и не всегда любопытно. Быть уверенным в том, что единственной и главной целью Сталина было построение концлагеря от Бреста до Магадана столь же глупо, как быть уверенным в его доброте и человеколюбии.

Вполне возможно привести список — причём, огромный список! — предприятий, полигонов, заводов, пароходов и ледоходов реально созданных при Сталине и реально распроданных и распиленных определёнными людьми, чьи имена известны.

Что ж в этом глупого-то, Дмитрий Львович? Я говорю очевидные вещи, разве нет? Или у нас с какого-то часа очевидные вещи стало произносить моветон? И когда пробил сей час?

Сталинская Россия — многоуровневая и сложнейшая система, оправдывать её сложно, но и упрощать незачем.

Вероника Долина приятно поражена предложением своих добрых друзей воздействовать на меня физически: вот бы кто-нибудь дал мне в лицо, радуется поэтесса, чья книжка «Фарфор» стоит сейчас ровно напротив меня — на поэтической полке возле моего стола. И останется там.

Поэтесса утверждает, что я нарушил главную линию раздела меж людьми и зверьми — и прощения после этого быть не может.

Вот ведь как — живёшь в родной стране, имеешь некоторое мнение по касающимся любого русского человека вопросам — а именно, эпохи самой страшной мировой войны — и рискуешь нарушить линию раздела, которую кто-то уже установил. Кто? А почему вы никого не спросили?

Почему мне, как в стихах Есенина сказано, порой кажется, что «в своей стране я словно иностранец»; да и не один я так себя чувствую. Может быть, ваша линия раздела проходит поперёк коллективной национальной памяти?

Мне в течение нескольких дней написали благодарные письма и позвонили десятки людей, чьи имена являются цветом современной российской культуры — писатели, режиссёры, актёры, публицисты. «Спасибо

за письмо», — сказали. Мне было тепло от их помощи. Я просил их не вмешиваться в этот развесистый скандал, но, положив руку на сердце, признаюсь, что многие из них и не очень хотели бы заявить о своих чувствах во всеуслышание.

Все бояться быть обвинёнными в ксенофобии. А вот в русофобии никто.

Вы понимаете, что вы делаете, самые ретивые оппоненты мои? Вы буквально запугали людей — в своей стране им страшно сказать то, что они думают.

Но всегда нужно помнить, что, если заткнуть рот умеющим говорить и слушать, им на смену придут люди, которые не умеют ни того, ни другого.

Дмитрий Ольшанский, написав в одной фразе, что я неправ, приводит в качестве доказательства список части расстрелянных в 1938 году. Последние фамилии в списке — Ольшанский и Прилепин — Егор Павлович, из села Каликино Липецкой области, родственник моего деда.

Мить, я понимаю о чём ты, и мне ужасно даже видеть эти фамилии, где после каждой приписано «расстрелян такого-то числа». Я просто никак не возьму в толк, это ты писал не так давно замечательную статью о Троцком, рассматривая его не без некоторой, прямо скажем, симпатии? Или текст о Троцком написал один Ольшанский, а на моё письмо по поводу Сталина ответил какой-то другой человек? Или мне тоже по поводу Троцкого прислать тебе свой список?

Или, быть может, мы будем любой разговор на историческую тему подменять такими списками — подобрать их, при желании, можно на любую даже вполне вегетарианскую эпоху.

И уж тем более странно представить в подобном положении Пушкина, воспевшего Петра, истребившего людей в России больше — это не отрицают даже либеральные историки — чем Сталин.

Мы б в подобной ситуации окружили Александра Сергеевича и спросили: ну, что, папуас, не жалко тебе русских людей? Россию, говоришь, поднял на дыбы? Сейчас мы тебе прочтём поимённо, кого ещё он поднял на дыбе, приготовься не спать три недели и слушать.

Группа студентов еврейского университета также отвечает мне письмом, приводя в качестве доказательства непонятно чего, любимого мной Исаака Левитана, прожившего жизнь, по их верному замечанию, в бедности. Ребята, ваши преподаватели дали вам почитать моё письмо, прежде чем предложили написать ответ на него?

Кинорежиссёр Бардин пишет вообще чёрт знает что, разговаривая не со мной и не по поводу моего письма, а по поводу чего-то своего и глубоко личного.

Ещё один доброхот призывает всех приличных людей объявить мне повсеместный бойкот: не допускать меня в светское общество, гнать

с порога, поставить печать на лоб, чтоб все видели, с кем имеют дело. Ну, это старая школа: ату его, ату. Этому нас учить не надо.

Некоторые уже прислушались к пожеланию. Посмотрим, что дальше будет.

Андрей Колесников, написавший по делу, всерьёз и хотя бы сделавший попытку оппонировать мне, а не выдумывать за оппонента, впроброс замечает в своём ответе мне, что в русском народе живёт страсть к погрому.

Отчего эти слова так легко слетают с ваших уст, друзья мои? — думаю я.

Представим себе безумца и подлеца, который напишет, что в еврейском народе тайно живёт Френкель, был такой создатель концлагерей в сталинские времена. Какая реакция будет на эти слова? Верно: автора такого допущения смешают с грязью, и поделом.

Но отчего ж можно сказать о русском человеке, походя, на бегу, всё что заблагорассудится — и это ничего: утрутся, проглотят, никуда не денутся.

По крайней мере, я до сих пор не читал открытых писем русского студенчества к журналистам или телеведущим с требованием перестать подозревать их в погромных намерениях. Также не видел и посланий в поддержку непрестанно охаиваемой с недавнего времени православной церкви, высказаться касательно которой имеют право все, живущие в России, в том числе и не православные вовсе — у нас же светское государство.

Виктор Шендерович, среди прочих толкователей, увидев в моём тексте признаки вопиющего антисемитизма, ставит диагноз: я болен сифилисом.

Ну, я не такой знаток половой гигиены, как некоторые. Однако вздорная память мне подсказывает, что подобный диагноз кому только не ставили: от Державина, Пушкина, Гоголя и Чехова до Блока, Есенина, Шолохова и Михаила Булгакова. Все вокруг больные, один Шендерович здоров. Я как-то обмолвился, что живи в наши дни Достоевский — Виктор Анатольевич и его рвал бы за штанину. На что Виктор Анатольевич слегка обиделся и отреагировал иронично: ну, да, мол, пока нет Достоевского — отыгрываюсь на Проханове. Отчего ж только на Проханове? Отыгрывались, к примеру, на Валентине Распутине, классике и великом русском писателе, и ничего, не поперхнулись.

Обнаружить во мне антисемита может только человек, не знающий ни круга моего общения, ни музыку, на которой я вырос, ни круга моего чтения, ни моих учителей, ни моих друзей. Собственно, и книг моих тоже не читавший.

Текст обращён вовсе не к тем, за кого грудью встает Шендерович.

Текст обращён к тем, кто сразу себя там узнал. Быков не узнал, Ольшанский не узнал — у них, видимо, всё в порядке со здравым смыслом, — и нам есть о чём поговорить при всей разнице взглядов.

Ещё он обращён к тем, кто упрямо узнавать себя не хочет — сегодня, чаще всего, это мои, забывшее родство и совесть, соплеменники, русские по крови, лишённые чести и совести нелюди, у которых тоже бывает местечковое сознание.

Ещё он обращён к тем, кто последовательно и ретиво выступает в роли адвоката этих нелюдей; и адвокаты всякие бывают.

Алик Кох, даром, что немец, похоже, тоже кого-то узнал и был необычайно возбуждён этим.

Обнажив шпагу и неожиданно охамев (хотя мы не раз сидели за общим столом, пили вино из одной бутылки и были осведомлены о взглядах друг друга), он назначил мне встречу, чтоб сразиться в безжалостном устном поединке, отчего-то уверенный, что я должен всё бросить и примчаться в Москву с ним объясняться.

Алик, или, если угодно, Альфред, вас тут целая очередь выстроилась. К тому же, я отчего-то сомневаюсь, что если б я, к примеру, в бытность твою министром ельцинского правительства, столь же самонадеянно назначил тебе встречу для устной дуэли — ты б всё бросил и ответил мне немедленной взаимностью.

Более того, я искренне нахожу наш спор бессмысленным.

Похоже, мы отныне и вовеки останемся при своём. Никакая логическая цепочка доводов не приводит ни одну из спорящих сторон ни к какому согласию. «Вы говорите, что сталинская Россия была вершиной существования русской цивилизации? Это подлый бред! — Нет, это не бред, а очевидность! — Это бред! Он погубил Россию! — Нет, он её спас!» — и так до бесконечности. Цифр можно насыпать с обеих сторон предостаточно. Благо, что Россию ещё кто-то сохранил для нас, и можно о ней поговорить.

Но я не участвую в этом споре.

Моё отношение к той эпохе и к заявленной теме более сложное, более жёсткое, более болезненное — хотя бы потому, что при Сталине были убиты не только мои родственники, но и любимые мной поэты, чья страшная гибель для меня личная человеческая трагедия — Павел Васильев, Борис Корнилов, Осип Мандельштам.

Письмо написано затем, чтоб дать голос коллективному сознательному и бессознательному народу, к которому я имею честь принадлежать и от имени которого я имею смелость говорить.

Сочинитель Игорь Иртеньев обратился ко мне с письмом, где называет меня «мразью». По его словам, я оскорбил память его дедов, воевавших во Вторую Мировую.

Мир их праху, пусть они простят меня, если я невольно их обидел.

Но обидеть я хотел лишь тех из их сыновей, кто делает больно мне.

Не первый год я читаю про свой народ, который, как я снова и снова узнаю, является носителем рабской психологии. Ещё читаю про чёрную дыру прошлого бессмысленного века, про неистребимого совка в моих соплеменниках, про пьяную Зою Космодемьянскую, про опущенного на зоне Александра Матросова, про борьбу двух зол (а где было добро в это время? на Луне?), про половину страны, которая сидела, и другую половину, её охранявшую.

Само моё письмо было задумано после очередной скотской вакханалии в прессе, случившейся в последнее 9 мая, и ещё раз повторенной вакханалии 22 июня сего года. К этим вакханалиям многие привыкли, и многие с ними смирились.

Кроме, собственно, миллионов людей, проживающих в России.

Чтобы хоть как-то объяснить колоссальное чувство почтения к Сталину в народной среде, моими оппонентами приводится довод о том, что все сидевшие в лагерях — погибли, и теперь по Сталину скучают дети палачей и стукачей.

Вам, Игорь, больно, а нам, думаете, нет? Вам, Игорь, обидно за родных дедов, а мне до моих, которые не были ни палачами, ни стукачами, ни конвойными — но были раскулаченными крестьянами и честными солдатами, думаете, всё равно?

Но для них что-то значило это ужасное имя. Совсем не то, что для вас.

Кровавый маньяк? Ну, да. Ещё верховный главнокомандующий. Как-то надо это учесть.

Или, может, нам начать стесняться своих отцов, чтоб вас ничем не обидеть?

В своём письме я осмысленно и последовательно старался сделать больно всем тем, кто не первый год делает больно мне и моим близким. Кто оскорбляет мою память и стоит на своём.

Я вижу, что вам больно, и не радуюсь этому, но так было нужно: иначе вы ничего бы не услышали и в этот раз.

Пусть я мразь, но что делать с людьми, которые выбрали Сталина — именем России: мы же знаем, что выбрали — а потом у них привычно своровали и поделили их голоса.

Они тоже мразь? Скажите им об этом.

Вот они, вокруг нас, живут в этой стране, в этой географии, ходят по одним с вами улицам.

Вращаясь в своей, интеллигентной и мудрой среде, вы незаметно для себя, но заметно для нас приватизировали историческую правоту, здравый смысл, всё то, что вы считаете возможным считать вещами общепринятыми, и то, что вы сами назначали недопустимым.

Вольтер, на которого вы так любите ссылаться, с его готовностью умереть за право другого человека высказать своё мнение, забыт и отринут.

Но я-то вас слушал.

Мы-то вас слушали, мы вам внимали.

Где хотя бы приблизительная готовность внимать в ответ?

Мне просто хотелось сказать, что здесь, вокруг вас, живёт ошеломительное количество людей, которые думают иначе, чем вы.

И, видимо, имеют к этому какие-то основания, потому что не может вся правота русского мира принадлежать только вам.

Вам придётся жить с этим народом вместе.

Будьте снисходительнее к чужим болезням, тогда и к вашим будут снисходительнее.

Будьте добрее, если надеетесь, что добры будут и к вам.

...впрочем, как хотите.